

В. Г. Белинский

**Введение в философию.
Сочинение... Карпова**

Виссарион Григорьевич Белинский

Введение в философию. Сочинение... Карпова

«Введение в философию» г. Карпова представляет утешительное явление по тому уже одному, что автор, как видно из целой книги, занимается своим предметом с уважением, что для него философия не игрушка, как у большей части наших доморощенных философов, и что он не шутя старается определить, в чем она заключается. Удались ли его старания, – это другой вопрос...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Введение в философию.
Сочинение... Карпова**

*ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ. Сочинение
профессора С.-Петербургской Духовной
академии Карпова. С.-Петербург. В
тип. И Глазунова и К°. 1840. В 12-ю д. л.
135 стр.*

Наша литература, не вышедши еще из постоянного ребячества, успела уже подвергнуться всем недугам старчества; в ней мало возникает энергических светлых стремлений, в ней мало живой бодрости и отваги, зато в ней много болезненных признаков: тщедушность, мелочность, апатия, равнодушие, бесстыдное невежество, хвастающее собою, какой-то бессильный, чахоточный скептицизм. Это ребенок в английской болезни! Певуны из всех сил уверяют себя и других, что они люди разочарованные и отчаянные, что их ничто не манит в жизни; так называемые ученые смотрят на все, в чем заметно присутствие мысли, на все, что должно возбуждать в человеке святое сознание своего высшего назначения, — или с коварною улыбкою Мефистофеля, или с озабоченным видом людей, которым некогда заниматься пустяками. Особенно на философию направляют они удары своего пошлого скептицизма, хотя, как они сами признаются, не только никогда не удостоивали заняться ею, но даже не смыслят самых обыкновенных ее терминов, которых знание в Европе предполагается во всяком об-

разованном и благовоспитанном человеке{1}. Давно ли журнальные крикуны подняли тревогу на весь народ, встретив в нашем журнале несколько слов, обыкновенных и понятных для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с наукою в современном ее виде, и не устыдились публично признаться в своем невежестве? Право, за них стыдно! И какое понятие о русском образовании получил бы просвещенный европеец, если б услышал эти крики!.. Те, которые поумнее, своими насмешками, иногда сбивавшимися на гаерство, и уверениями, что философия – наука бесполезная и не хлебная, успевали добыть себе кусок хлеба и потом, вероятно из благодарности (ибо все же философии, хоть и отрицательно, были они обязаны своими приобретениями), умолкали мало-помалу; другие же (и большая часть), лишённые даже способности забавно гаерствовать, представляли и представляют невольные карикатуры древних титанов, жаждавших Олимпа и забрасывавших самих себя тою грязью, которая назначалась ими для предметов, недоступных их разумению.

Понятно, что при таком состоянии вашей литературы отрадно встретить всякое литературное произведение добросовестное и *серьезное*, точно так же, как в балаганной публике встретить человека, благопристойно одетого и по крайней мере не оскорбляющего вас своими манерами. Еще отраднее, если такое добросовестное произведение относится, положим не сущностью, а одним именем, к области той великой науки, которая нашла себе у нас таких комических антагонистов. — Вот почему нам приятно было развернуть книгу г. Карпова для того, чтобы известить о ней наших читателей. Нам еще рано думать о науке в собственном и строгом смысле, еще менее о философии, которая может только приняться на почве сильной, хорошо разработанной. Не знаем, в какой степени имеют удобрительные качества теперешние продукты нашей литературы, но еще не скоро, судя по всем признакам, придет то время, когда можно будет рассуждать с ученою строгостью о сочинениях, объявляющих себя «учеными». Если бы у нас и явилось теперь, благодаря какому-нибудь случаю, ученое произведение,

удовлетворяющее современным требованиям науки, то оно походило бы на цветок, грустно и одиноко распустившийся среди негодной травы, почти без надежды порадовать чей-нибудь взор и освежить кого-нибудь своим дыханием. Перенести его на другую, более благодарную почву, открыть его для чуждых, но способных оценить и признательных взоров, вот все, что можно было бы для него сделать. Самая критика о дельном, ученом сочинении, которая по необходимости должна говорить его языком и ставить читателя на его точку зрения, навлекла бы на себя гаерские возгласы...

Философские системы, увенчавшись в своем развитии системою нашего времени{2}, через то самое так теперь определились и обособились, что опытный взор в одно мгновение отличит, к какой из них принадлежит вновь вышедшее сочинение. Так по крайней мере в Германии. Но и в Германии есть, однако, такого рода философы, которые подбирают разный хлам, разбросанный разными системами по пути их развития, и из него составляют свои собственные, дивно уродливые

системы. В Германии оставляют в покое таких философов и отсылают их на задний двор литературы, где есть свое устройство, свои журналы, свой дух и даже свои книгопродавцы. У нас, нисколько не участвовавших в философском развитии, очень естественно являются философские книги, в которых авторы философствуют на просторе, как душе угодно, и из различных мнений, из различных обрывков понятий составляют пестрый калейдоскоп, вертят его и тешатся новыми комбинациями. Тут уж никакая опытность не поможет определить, откуда и как составилось сочинение.

«Введение в философию» г. Карпова представляет утешительное явление по тому уже одному, что автор, как видно из целой книги, занимается своим предметом с уважением, что для него философия не игрушка, как у большей части наших доморощенных философов, и что он не шутя старается определить, в чем она заключается. Удалились ли его старания, – это другой вопрос.

Что такое введение в философию и в чем должно состоять его назначение? – Введение,

как известно, не есть самая наука: это должно быть только переходом к ее точке зрения от обыкновенного сознания. Философия не имеет предварительных понятий, как другие науки, излагающие их в введениях. Все, что можно сказать о ней, – вполне истинно можно сказать только в ней самой. Цель введения в философию – только приготовить неофита, очистить, сколько возможно, его представления, пробить кору ежедневности, в которую облечено обыкновенное житейское сознание, внушить уважение к великому предмету, к святому таинству знания, поселить в готовящейся душе мужественную веру в могущество абсолютного духа, который должен безраздельно властвовать в философии. Следовательно, польза введения чисто субъективная по отношению к приступающему; в отношении же к философии, это область совершенно внешняя, экзотерическая^{3}, и не может иметь никакого влияния на ее ход. Г-н Карпов думает об этом несколько иначе: для него введение имеет гораздо более важности. Философии, – думает он, – грозят две противоположные опасности: потеряться в раздроблении

взглядов и, вместо всякого результата, дойти до скептицизма и неверия или заключиться в догмат, цепенящий ум, убивающий его силы, мертвящий его деятельность. Между этими крайностями бесконечного дробления и строгого догматизма философии, – говорит он, – всего лучше золотая середина – введение. Это очень темно и странно. Не знаем, вследствие ли этого самого соображения или каких-нибудь других, не изложенных здесь, – автор возлагает на введение обязанность говорить о следующих предметах: 1) о предмете философии, 2) о ее методе, 3) о ее начале; потом 4) этими элементами (?) оно должно определить свою науку, 5) указать на цель, 6) пользу и, наконец, 7) изложить чертеж системы философских наук. Смеем думать, что все эти предметы лежат внутри самой философии; вне же философии можно о них толковать сколько угодно, рассуждать вдоль и поперек, и никак нельзя зацепить самого дела; и уж наперед надобно отказаться от всякой *наукословности* (термин, составленный самим автором для означения немецкого *Wissenschaftlichkeit* [1]). Существование философии доказывает

недостаточность всех нефилософских точек зрения в познании, и если к ней должно обращаться за последним решением всех вопросов, то тем менее все вопросы о ней самой могут быть рассматриваемы с точки зрения нефилософской; философская же точка зрения может быть найдена только тогда, когда найдено начало философии, и если философия начинается во введении, то введение перестает быть введением и входит внутрь науки. Притом самый смысл вопросов может быть определен только в философии, вне которой слова: *цель, предмет, метода* и проч. всячески могут быть определяемы сознанием; только свободное развитие абсолютного философского начала в силах дать им истинное и непреложное содержание.

Вот причина, почему, несмотря на добросовестные намерения автора разрешить заданные вопросы, введение оставляет их смысл в прежней неопределенности. Как, например, определил он предмет философии? – «Самопознание и исследование всего в целом, как одного бытия, полного разнообразной жизни и деятельности, то есть исследование мира ме-

тафизического, поколику является он сверхчувственным и мыслимым». Все это очень хорошо, но поясняет ли хоть сколько-нибудь дело? Что такое самопознание? бытие? мир метафизический? И доказательство того, как трудно говорить о таких предметах вне философии, заключается в том, что сам автор этому общему определению, справедливому в своей отвлеченной общности, дает слишком скудное содержание, и вследствие этого он так несправедливо понял философию, так стеснил ее пределы, что, вместо живого духа ее, получил мертвую психологию. В самом деле так: не взвесив того, что содержится в понятии самопознания, он понял его совершенно антифилософски, как познание души. Психология есть для него самая существенная философская наука, а рассуждение об уме, воле и сердце – главное ее содержание. Все области духа, по его мнению, должны быть изучаемы с психологической точки зрения; так, например, искусство должно идти не от понятия, не от существа своего, а от человеческого сердца. – Метафизическое, по мнению автора, есть нечто среднее между духовным и физиче-

ским, – а духовное, единственно истинное содержание философии, объявляется для нее недоступным: это что-то неизменное, бесформенное (странно!), ни нумен, ни феномен{4}. Метафизическое, по автору, выше физического и ниже духовного, но входит в область человеческого бытия со стороны обоих начал и, воспроизведенное в новый ряд существ, является сверхчувственным и отражает в себе те самые начала, из которых оно развилось. Метафизическое (в смысле автора) снова приводит нас к психологии и снова разлучает нас с истинною философией).

Но, не соглашаясь решительно с автором в основании, мы обязаны отдать ему справедливость: он искусно владеет своею мыслию и обличает в себе зрелого наставника; в книге его рассеяно много отдельных мыслей, прекрасных и истинных; на всем лежит печать возмужалой обдуманности. Язык его правилен, слог чист, литературен и читается с удовольствием; философские термины употребляются им везде отчетливо и с знанием дела, и мы приглашаем ожесточенных ругателей нашего журнала заглянуть в книгу г. Карпо-

ва, чтобы убедиться в том, что напугавшие их слова не нашего изобретения, а принадлежат науке, и что только их собственное, наивное невежество виновато в том, что эти утвержденные в философском языке термины показались им непонятными и странными.

Сноски

1

научность (нем.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Нападки на философскую терминологию «Отечественных записок» (см. также примеч. 7 к статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского») не утихали во враждебной журналу прессе. Так, Н. А. Полевой писал: «Критики, у которых в иной фразе смысла не добьетесь, толкуют с важностью о слоге, и, забывши прекрасные начала трудов наших филологов, забывая язык наших Жуковских, Батюшковых, Пушкиных, мы пишем варварским наречием, какое выдумывают недоученные юноши, гегелисты, с чужого голоса передающие, что слышали и не поняли» («Сын отечества», 1840, т. I с. 438–439). С 1841 г. «Москвитянин» поведет борьбу против собственно философии «Отечественных записок».

[^^^]

2

Имеется в виду философия Гегеля.

[^^^]

3

Экзотерический – предназначенный для непосвященных; *эзотерический* – доступный лишь посвященным.

[^^^]

4

Нумен (ноумен) – сущность предмета, недоступная ни рациональному, ни чувственному познанию, «вещь в себе» (в терминологии Канта); *феномен* – явление предмета; предмет, каким он воспринимается.

[^^^]

[^^^]